

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.35

 DOI: 10.47928/1726-9946-2024-24-3-55-65 EDN: LKSAUG

Научная статья

Некоторые признаки адыгской изустной авторской поэзии на ранней стадии формирования литературы

С. М. Алхасова

*Кабардино-Балкарский Институт гуманитарных исследований, Нальчик, Россия
alkhas55@mail.ru*

Аннотация. Данная статья иллюстрирует на отдельных примерах отличительные особенности изустной поэзии адыгских авторов долитературного периода в межтекстуальной коммуникации с традиционной фольклорной поэзией и культурой. Выявляется фундамент авторства, концепция, его семантическая поэтика, специфическая мифология, выстраиваемая, в свою очередь, поэтическую миромодель. Анализируется пространственно-временной континуум, его координаты. Художественное пространство и время просматриваются как особый эстетический и вербальный феномен. В центре сравнительного подхода - выразительные средства и авторская стилистика. Актуальность предлагаемого исследования заключается в целостном подходе к анализируемой поэтической системе дописьменной предлитературной поэзии. На примерах адыгских обрядовых песен мы автор убеждается, что в период классового расслоения общества обрядовая поэзия неизбежно освобождается от культово-магического содержания и становится явлением эстетического ряда, постепенно переходя к письменной художественной литературе. Одним из важнейших шагов на пути к возникновению художественной литературы как специфической формы идеологии явилось освобождение произведений фольклора от магической функции, от утилитаризма, обретение функции эстетической. Таким образом, все этапы зарождения устного народного творчества, начиная с самых древних времён, в исторической жизни фольклора явились предвестниками зарождения собственно художественной литературы. К такому заключению приходит автор в результате анализа .

Ключевые слова: фольклор адыгов, джегуако-импровизаторы, культово-обрядовая поэзия, магическая дописьменная литература, художественное пространство.

Финансирование. Работа не выполнялась в рамках фондов.

Конкурирующие интересы. Конфликтов интересов в отношении авторства и публикации нет.

Авторский вклад и ответственность. Автор участвовал в написании статьи и полностью несет ответственность за предоставление окончательной версии статьи в печать.

Для цитирования. Алхасова С. М. Некоторые признаки адыгской изустной авторской поэзии на ранней стадии формирования литературы // Доклады АМАН. 2024. Т. 24, №. 3. С. 55–65.

 DOI: <https://doi.org/10.47928/1726-9946-2024-24-3-55-65>; EDN: LKSAUG

© Алхасова С. М., 2024

PHILOLOGY

UDC 811.35

Original article

Some features of Adygian Oral author's poetry at the early stage of literature formation

Svetlana M. Alkhasova

*Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research, Nalchik, Russia
alkhas55@mail.ru*

Abstract. This article illustrates on separate examples the distinctive features of the oral poetry of Adyghe authors of the pre-literary period: Tauko Tlepshuk, Lashi Agnokov and others in intertextual communication with traditional folklore poetry and culture. The foundation of authorship, concept, its semantic poetics, specific mythology, building, in turn, a poetic world-model are revealed. The space-time continuum, its coordinates are analyzed. Artistic space and time are viewed as a special aesthetic and verbal phenomenon. The comparative approach is centered on expressive means and author's stylistics. The relevance of the proposed research lies in the holistic approach to the analyzed poetic system of pre-written pre-literary poetry.

Keywords: Adyghe folklore, jeguako improvisers, cult and ritual poetry, magical pre-written literature, artistic space.

Funding. The work was not carried out within the framework of funds.

Competing interests. There are no conflicts of interest regarding authorship and publication.

Contribution and Responsibility. The author participated in the writing of the article and is fully responsible for submitting the final version of the article to the press.

For citation. *Alkhasova S. M.* Some signs of adyghe oral author's poetry at the early stage of literature formation. *Adyghe Int. Sci. J.* 2024. Vol. 24, No. 3. Pp. 55–65.

 DOI: <https://doi.org/10.47928/1726-9946-20243-24-3-55-65>; EDN: LKSAUG

© Alkhasova S. M., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение.

Период, когда адыги не знали письменности, называется долитературным. Однако, с появлением письменности, первые адыгские просветители: Шора Ногмов, Кази Атажукин, Хан-Гирей, Казы-Гирей и др., писали свои произведения на русском языке. Но это была аристократическая часть общества. Значительная часть населения не знала грамоты. Вот почему в долитературный период произведения жили и сохранялись в устной форме. В среде народа уже были отдельные сочинители, которым принадлежали песни и сказы, легенды и меткие выражения. В чем же состояли особенности традиций сочинителей этого периода, каковы отличительные признаки исполнения песнотворцев?

Этап постепенного перехода от фольклора к устной литературе называется условно долитературным или предлитературным. Существовал целый институт джегуако и хатияко, который впервые подробно исследовал и описал в своих трудах учёный З. М. Налоев.

Обзор литературы.

В этнографических очерках: «Из истории культуры адыгов» [1, с. 9] и «Этюды по истории культуры адыгов» [2], [3] З. М. Налоев впервые изучил песенные жанры адыгского фольклора, показал сложный путь перехода к письменной литературе адыгов. На первый взгляд может показаться, что в работах З. Налоева период предписьменный, или дописьменный, остаётся незаметным, где-то за рамками. Но если внимательно вчитаться в исследование З. Налоева, то становится понятным, что автор подробно и детально переходит от коллективного фольклорного творчества к предписьменному, то есть, осознаваемому устному авторскому творчеству. Это следующий этап, который можно назвать индивидуальным, в отличие от фольклорного.

В период Золотого века Черкессии (18– нач. 19 вв.) на русском языке писали адыгские просветители Шора Ногма, Кази Атажукин, Хан-Гирей, Казы-Гирей и другие. В качестве другого примера можно привести творчество Амирхана Хавпачева, который не знал грамоты, а пел свои сочинения под шикапшину. Произведения эти уже нельзя назвать фольклорными, так как имели автора. Но эти произведения можно назвать переходными от фольклора к литературе. Долитературные произведения отличались от фольклорных (в основе – коллективное творчество) тем, что уже имели автора, но сочинялись и передавались в устной форме.

В долитературный период мы встречаемся с творческой индивидуальностью. Сочинения Тауко Тлепшука, Лаша Агноко, Глапаруко Харун, Аутля Тхайшу, Абаза Камбот, Пшиз Батум, Хаджибеико Юсыф, Хамакоко Хапит стали примером осознанного индивидуального авторства. Следует отметить, что речь идёт об общеадыгском процессе, когда ещё нет разделения на адыгейский, черкесский, кабардинский. Этот процесс произошёл позднее в силу общественно-исторических событий, и имел уже свои особенности как в песенной поэзии, так и в прозаических сочинениях. Как отмечает известный учёный Х. И. Бакон: «История северокавказских младописьменных литератур, в том числе литератур адыгов (черкесов) имеет типологические черты. Главным истоком для них является устное народное творчество... Освоение профессиональной жанровой системы в них шло неравномерно. Явная диспропорция наблюдается даже внутри адыгских (адыгей-

ской, кабардинской, черкесской) литератур. В 20-30-е годы в кабардинской литературе доминировали жанры поэзии, а в адыгейской и черкесской, наоборот, проза выдвинулась вперёд. Эту диспропорцию литературоведы (Заур Налоев, Дмитрий Костанов и др.) объяснили богатством различных жанров адыгского фольклора и другими причинами, хотя они шли от единого адыгского фольклора. Они испытали влияние одних и тех же литератур, развивались в идентичных условиях советского литературного процесса: «Взвесив все аргументы, мы пришли к выводу, что диспропорция, в основном, связана с яркой творческой индивидуальностью» [4, с. 131]. По нашему мнению, здесь действует механизм культурной памяти, как синтез формы и содержания, что не могло не сказаться на жизнеспособности авторской устной песни, на дальнейшем её продвижении и сохранении.

Как отмечает Л. Голубева: «Первые образцы лирической поэзии рождаются в результате сознательного индивидуального творческого акта, и они, как правило, автобиографичны» [5, с. 67]. Авторы-сочинители постепенно переходят к художественному вымыслу. Так происходит переход от устного народного творчества к художественной литературе.

Процесс становления ранней дописьменной авторской поэзии имеет свою специфику. Впервые в работах З. Налоева поднимается прогрессивная роль джегуако, певцов-сочинителей из народа. Учёный показал их прогрессивный характер. Заметим, что джегуако были свободными, независимыми людьми. Однако, были и придворные джегуако, которые сочиняли историко-героические песни по заказу своих князей. Так, из песенных источников известна история сочинения знаменитой песни «О Большом ночном нападении на Кабарду».

Материалы и методы.

Когда люди начали осознавать, что песни, былины, сказы кто-то умеет слагать, то стали обращаться к таким песнотворцам, сочинителям – джегуако за плату или с обычной просьбой. Если джегуако не был участником того события, которое ему предлагалось рассказать, то сочинителю пересказывали подробно, в деталях, событие, и джегуако из этого материала слагали песни. Следующий этап заключался в том, что джегуако напевали уже сложенную новую песню своему заказчику. Заказчик вносил поправки, и только после этого принимал сочинение у джегуако: «Мы часто называем джегуако импровизаторами. Такая дефиниция верна лишь отчасти, ибо историко-героические песни они обдумывали долго, обсуждали и переделывали до самой премьеры, и творческий процесс бывал довольно длительным, если труппа Тлепшука потратила на «Песню Большого ночного нападения» три месяца. Это творческий акт, близкий к литературному по параметру обдуманности» [6, с. 177].

При этом, всем было известно имя джегуако, но никто не называл его имени, оно оставалось за рамками. Песня принадлежала только тому роду, тому герою, кому она была посвящена. Теперь эта песня принадлежала только герою события. К примеру, песня об Андемиркане. В народе говорится, что сочиняли эту песню целых семь джегуако. Но, при этом, песня принадлежит только самому герою Андемиркану, носит его имя, и больше никто в качестве автора не упоминается. Если же песня посвящена какому-либо военному событию, она становится частью этого события, и носит только название данного события:

войны, например, но никак не имя его автора-сочинителя. Например, знаменитая песня «Къэбэрдей жэщтеум и уэрэд» – «Песня о ночном нападении на Кабарду». Событие произошло примерно в 1779 году. Песню сочинила группа из семи джегуако, во главе которой стоял джегуако-тхамада Тауко Тлепшук. Этот сочинитель является одним их самых известных и авторитетных песнотворцев Кабарды в Золотой век Черкессии (2-я половина ХУІІІ века). Сочинение имеет несколько вариантов, по одной из версий, она называется: «Большое ночное нападение» и состоит из семи частей. В этой трагичной песни говорится о том, что погибли семь князей, которые сражались семь месяцев мужественно и храбро, но «пуля их поразила». По одной из версий существует такой зачин:

Сам он муж сухопарый, стройный, сильнорукий,
Храбрец, чья дорога идёт по большому склону,
Это Кайтуковых Хамерз,
Смертельная пуля его сразила [7, с. 21].
Подстрочный перевод Алхасовой С. М.

Вот история создания песни «О Большом ночном нападении»: «До самой смерти тхамadou песнотворцев был холоп Кайткоки Таовых сын Тлепшук. Он был холопом Кайтко-князя. Он был мастер [своего дела]: прослушав [новую песню], он выбрасывал ненужное, оставлял годное. Когда сочинили [Песню] «Большого ночного нападения», он заставил [песнотворцев] пропеть её и, признав неудовлетворительным, заставил переделать. Сам он был кабардинцем. Из какого селения, не знаю. Песнотворцев было семь человек. Они три месяца сидели [в лесу над сочинением этой песни]. Князья дали им по одной яловой корове и заказали [Песню] «Ночного нападения кабардинцев». Сложив [песню], они ушли [из леса] и к Тлепшуку – тхамadou песнотворцев — пришли. – Сочинили «Ночное нападение»? – Сочинили. — Спойте! – сказал и заставил пропеть её. – Сильную и полезную [песню] сочинили, – сказал он. – Но ваш зачин не годится, — сказал. В то время князья были деспотичны. Зачин признал он негодным потому, что помыслы князей не совпадали. – Когда начинаешь с имени Каноуко [современное.: Каноко*] или какого-нибудь иного князя, — сказал он, — другой князь возражает: «Почему, мол, с его имени начинаешь, а не с моего имени начинаешь?» — говоря. Поэтому вы будете начинать так, как я скажу. – Тогда скажи, как нам начинать! - сказали. Это он говорит своему сыну (декламирует несколько стихов). Этого юношу звали Тлепшук» [8, с. 20].

Однако никто здесь не называет имя главного сочинителя Тауко Тлепшука. Песня достаточно длинная, до наших дней дошли не все варианты; один из вариантов этой историко-героической песни опубликован Э. Налоевым в Антологии, изданной в 2010 году [9, с. 27–29]. Мы приведём только её начало. Данная версия носит название:

* «Князь Эльжеруко Каноков был самым храбрейшим и благороднейшим князем своего времени. Он был человеколюбиво ласков, рассудителен и обходителен с народом. Несколько раз он защитил своё отечество от врагов внешних. Он победил татар на реке Ахупсе. В другой раз он победил соединённые силы калмыков и татар. Доброта, нравственность и славные подвиги приобрели ему всеобщее народное уважение и любовь.». XXXIX: III. Ногмов. История адыгейского народа, гл. ІV, с.31]

«Песня о ночном нападении на Кабарду»:
 Жэштеуэм и хъыбарпэжыр вжеслэнуц.
 А махуэм ди Къэбэрдейр шуужьт.
 – Дунеижьым щытлэгъуа хабзэр дилэжкъым:
 Хъункъым! - жери ди Къэбэрдейр мэхасэ [3, с. 20].
 Поведаю вам о ночном нападении.
 В тот день вся Кабарда была в стремени.
 – Нет тех традиций, что знали мы издавна:
 Так не пойдёт! - сказали и Кабарда собралась [3, с. 20].
Подстрочный перевод Алхасовой С. М.

Данное произведение может быть отнесено к историческим по содержанию, так как описывает событие из жизни адыгов, которое произошло на самом деле. В то же время песня содержит некоторые элементы фольклора: форма повествования, ритмика и эпика. Но она является уже авторской, так как подразумевает авторство джегуако, и является переходной к литературе.

Существует и второй специфический признак дописьменной поэзии. Это – осознанное, определяющееся авторство. Как отмечает З. Налоев, в этом случае в сочинении живёт душа самого автора. То есть, в сочинение проникают думы и чаяния, в какой-то степени, переживания, стремления и желания самого сочинителя. В таком случае, авторство становится сердцевиной произведения, его рациональным зерном. В качестве примера такого сочинения учёный приводит песню Абаза Камбот: «Пхъэм и дауэр» – «Жалоба древа», где прославляется всякое древо, как источник тепла и благополучия в те далёкие времена. Одновременно, это песня–жалоба. Песня поётся от первого лица. На первый взгляд может показаться, что древо хвастает собой, на самом деле это плач о нелёгкой доле, в которой поднимается серьёзная проблема. Автор удачно использует аллегорию. В аллегорической форме песни скрываются первые зачатки критики, за которой стоит человек со своими тяготами и думами. Более того, авторство данной песни очень ясно и чётко осознаётся:

Пхъэр мэхасэ, псэр мэлуатэ,
 Пхъэм и дауэр къэслэункъэ, уой.
 Мы зэхуэсхэр фыкъедалуэ,
 Уедэлуэнклэ, уорэдэ, ар пшыналгъэщ, уой.
 Зы пхъэ нальэр бэ и уасэщ:
 Пхъэ гъэсынуэ, уорэдэ, сыкывошэ, уой.
 Сыкызырыфшэр вы уэгъужьти,
 Мы жьэгужьми, уорэдэ, сыпэробзахэ, уой.
 Сыкыпэрахмэ сыфламышцлкъэ
 Гъушцу ящлхэр, уорэдэ, сэ согъажьэр, уой [9, с. 161].
 Древо жалуется, душа прислушивается,
 Жалобу древа, орала, хочу поведать, уой.
 Послушайте все собравшиеся здесь,

Раз это песня, надо её слушать, уой.
 Одно полено дерева многого стоит,
 Чтобы сжечь дерево, вы меня везёте, уой,
 И везёте меня на двух недюжинных волах,
 И в пламя старого очага, орала, кладёте меня, уой.
 А заберёте меня отсюда – я уже углём (головешками) обернулся,
 Всё что ни на есть железное, я сжигаю, уой... [9, с. 161].

Подстрочный перевод Алхасовой С. М.

Как и в предыдущей песне о «Ночном нападении», здесь скрыты магическое и мифологическое начала. Песня содержит острую сатиру на отношение к дереву. На самом же деле под деревом (древом) подразумевается человек, герой, который страдает от жестокого и безнравственного отношения к нему окружающих. Аллегория применена в песне, как сатирический способ художественного обличения тех, кто обладает извращёнными понятиями о человеческих ценностях.

На следующем этапе авторство проявляется, словно лакмусовая бумага, ещё более чётко. В качестве примера приведём творчество Пшиз Батума. Он уже является известным автором-сочинителем устных стихов и песен. Мы подробно писали о нём в нашей предыдущей статье: «Специфика ранней адыгоязычной литературы» [10, с. 225]. Сочинитель и народный певец Пшиз Батум родился, примерно, в 1835–1837 гг. в селении Пшыжхабле (Камергое, Адыгея). Точная дата его рождения неизвестна.

Автора прославило его знаменитое сочинение: «За кого ж тебя выдать, милая Шаш». Сюжет песни таков: Пшиз Батум, сам являясь главным героем песни, спрашивает девушку, за кого её отдать замуж. При этом перечисляет всех своих друзей. Каждый раз девушка отказывается, в шуточной форме указывая на недостатки жениха.

История такова. Батум работал пчеловодом на альпийских лугах с соседями и друзьями, целой группой сотоварищей. Они подолгу находились на лугах, и там Батум хорошо изучил характер и повадки своих товарищей. Поэтому в песне, которую он сочинил устно: «Хэт уестын, си Шаш» («За кого тебя выдать, моя Шаш») подробно описывает каждого. Описывает тех, за кого девушке предлагается выйти замуж, указывая при этом, на главный недостаток или смешную сторону парня. И каждый раз девушка в своём ответе отвергает предлагаемого жениха. При этом она перечисляет ярко, в шуточной форме, изъяны юноши. Батум и себя самого не щадит, и называет собственные смешные стороны. В конце концов, в самой последней строфе она хвалит последнего из предлагаемых ей женихов. Здесь нетрудно узнать подражание известной фольклорной песни: «Лашин поёт о женихах-нартах» (Лашин нартыжыхэм хоусэ). Как и полагалось по адыгской традиции тех лет, никто из названных в песне реальных людей не был в обиде на сочинителя Пшизова Батума:

Си Шаш
 – Хэты мыгъом уестына, си Шаш?
 Пщыжбы Матыумэ уесэтый!
 – Пщыжбы Матыоуи сызэптрэм

Ыжак1э (И жьак1эр) цыпхыжадэлъхьы,
 Иунэ хьаллъхьэ имылъы, гуцэбэ,
 Бгъунджы щылъэу орэдыхэр къеусы:
 Лы септыгъэххэгущэп, ситат,
 Ой, ойрэ, ойрэ, орадэй! [7, с. 83–84].
 За кого ж тебя отдать, милая Шаш?
 За Пшиза Батума?
 Если отдашь меня за Пшиза Батума,
 Из его лохматой бороды хоть пряжу пряди,
 А в доме у него даже собачьего корма не найти,
 А сам он полёживает на боку, да песни сочиняет.
 Не отдавай меня за него , голубчик,
 Ой, ойра, ойра, орадай [7, с. 83–84].
Подстрочный перевод Алхасовой С. М.

Известная традиция устнопоэтических сочинений – автор становится одним из героев произведения. Следуя этой традиции, в ряду предполагаемых женихов девушки Батум называет самого себя: причём, не выпячивая, не хвлясь, самокритично подходя к своим недостаткам, с иронией и юмором. Эту критическую оценку он вкладывает в уста девушки. Та насмеяется над ним также, как и над остальными, называя его слабые стороны.

Обсуждение и заключение.

В приведённом выше примере, в песне о Пшиз Батуме, присутствует вполне осознанное, явное и неосознанное (только подразумевающееся) авторство. Стихи этой песни вполне зрелые. Чтобы различать явления более чётко, З. Налоев вводит понятия «незрелые» стихи («усэ мылъхуэс») и «перезрелые» («усэ т1ыгъуа»), которые сопоставляются при дальнейшем анализе. Мы не станем углубляться в эти тонкие понятия изустного песенного творчества: они освещены достаточно подробно в названной выше научной работе З. Налоева.

На примере трёх сочинений песенной поэзии разных периодов мы достаточно чётко видим их эволюцию.

Рамки статьи не позволяют привлечь для анализа широкий фольклорный материал дописьменного периода. Но на приведённых нами конкретных примерах уже видны эти процессы.

Следующий этап перехода к письменной художественной литературы – это литература адыгов до 1917 года. Период включает деятельность адыгских писателей-просветителей XIX – начала XX века. Это – известная «История адыгейского народа», воссозданная по народным преданиям адыгским просветителем XIX века Шорой Ногмовым [3, с. 31]. А в начале XX века – это, по мнению З. Налоева, просветительская синкретическая публицистика движения Баксанского просвещения [9, с. 58]. Эти сочинения носили публицистический характер. И ещё не являлись художественными произведениями. Просветительская литература уже подчинена идеологии общественно-политического строя [10, с. 63].

Результаты исследования.

Опираясь на предыдущую статью по данной проблеме: «Специфика ранней адыгоязычной литературы», автор пришёл к концептуальному выводу, что ранняя адыгоязычная дописьменная поэзия в некоторой степени продолжила миссию фольклоризма, в то же время стала приобретать черты литературы. Круг вопросов, освещённый в данной статье, позволил подробнее осветить одну из сторон дописьменный предлитературный сочинений. Их решение даёт ценный материал для осмысления одной из основных направлений литературного процесса – становления письменной литературы как особой формы познания действительности.

В заключение анализа автор пришёл к выводу, что все этапы зарождения устного народного творчества, начиная с древних времён, в исторической жизни фольклора, явились предвестниками зарождения собственно художественной литературы. Одним из важнейших шагов на пути к возникновению художественной литературы, как специфической формы идеологии, стало освобождение произведений фольклора от магической функции, от утилитаризма, обретение функции эстетической. И, на примере адыгских обрядовых песен, убеждаемся, что в период классового расслоения общества, обрядовая поэзия неизбежно освобождается от культово-магического содержания, и становится явлением эстетического ряда, постепенно переходя к письменной художественной литературе.

Процесс перехода адыгской культуры и литературы от этнокультуры к культуре национальной, продолжает набирать силу. Текущее столетие придало национальной литературе определённое ускорение. Устное народное творчество, фольклор, нартский эпос – это основа, на которой должна будет стоять литературное художественное творчество любого поколения. В ином случае, литература лишится своей глубины и значения.

Тем временем, уже на рубеже XIX века, и в фольклоре, и в просветительской публицистике появляются элементы, как бы предваряющие основы литературной типизации. Этот этап в развитии адыгской культуры становится наиболее чётко осознаваемым «переходным периодом на пути становления национальной художественной литературы» [2, с. 200].

Итак, постепенное перетекание адыгской культуры и литературы от этнокультуры к общенациональной продолжает совершенствоваться, и процесс его становления непрерывен. Современная эпоха придала национальной литературе ускоренный рост и силу. На стыке столетий и эпох происходит смена одного поколения другим. В общеадыгской, в том числе и в кабардино-черкесской литературе, такое перерождение стало свершившимся фактом.

Список использованных источников

1. Налоев З. М. Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978. 192 с.
2. Налоев З. М. Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1985. 269 с.

3. *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1958. 239 с.
4. *Бажов Х. И.* Черкесская поэзия в потоке времени. Вестник АГУ. Серия 2, выпуск 2 (297) 2022. С. 131–132.
5. *Голубева Л.* От фольклора к литературе. «Вопросы литературы». 1979. № 10. С. 67–68.
6. *Налоев З. М.* Из истории культуры адыгов, «Эльбрус», Нальчик, 1978. С. 177.
7. *Налоев З. М.* Ипэрей адыгэбзэ литературэм и антологие [Антология ранней адыгоязычной литературы]. Нальчик: КБИГИ, 2010. С. 352.
8. *Алхасова С. М.* Специфика ранней адыгоязычной литературы. Филологические науки. 2018. №6 (84). С. 225–229.

Поступила 13.03.2024; одобрена после рецензирования 12.08.2024; принята к публикации 26.08.2024.

Об авторе:

Алхасова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-балкарский научный центр Российской академии наук» (360051, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Пушкина, 18), [http://orcid.org / 0000-0003-1773-285X](http://orcid.org/0000-0003-1773-285X), alkhas55@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. *Naloev Z. M.* Iz istorii kul'tury adygov [From the History of Adyghe Culture]. Nalchik: Elbrus, 1978. 192 p.
2. *Naloev Z. M.* Etyudy po istorii kul'tury adygov [Etudes on the History of Adyghe Culture]. Nalchik: Elbrus, 1985. 269 p.
3. *Nogmov Sh. B.* Istoriya adyhejskogo naroda, sostavlenaya po predaniyam kabardincev [History of the Adykh people, compiled from the legends of the Kabardins]. Nalchik: Kabard.-Balkar. book publishing house, 1958. 239 p.
4. *Bakov H. I.* Circassian poetry in the flow of time. ASU Bulletin. 2022. Series 2, issue 2 (297). Pp. 131–132.
5. *Golubeva L.* From folklore to literature. Voprosy Literatuty. 1979. No. 10. Pp. 67–68.
6. *Naloev Z. M.* Iz istorii kul'tury adygov [From the history of Adyghe culture]. Nalchik: Elbrus, 1978. Pp. 177.
7. *Naloev Z. M.* Iperej adygebze literaturēm i antologie [Anthology of early Adyghe-speaking literature]. Nalchik: KBIGI, 2010. Pp. 352.
8. *Alkhasova S. M.* Specificity of early Adygolanguage literature. Philological sciences. 2018. No. 6 (84). Pp. 225–229.

Submitted 13.03.2024; approved after reviewing 12.08.2024; accepted for publication 26.08.2024.

About the author:

Svetlana Mikhailovna Alkhasova, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector, Institute of Humanitarian Research - Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution “Federal Scientific Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (360051, Russia, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Pushkin, 18), [http://orcid.org / 0000-0003-1773-285X](http://orcid.org/0000-0003-1773-285X), alkhas55@mail.ru,

The author has read and approved the final version of the manuscript.